

Вот и закончился 5-й сезон Литературного клуба журнала «Русский пионер». Наши участники приходили на занятия, чтобы научиться лучше понимать литературу, попробовать свои силы в написании рассказов, узнать, а точнее, почувствовать — что же делает текст художественной литературой. По традиции мы печатаем две работы участников Литклуба: лучшим рассказом сезона, по мнению читателей, стала история **Екатерины Мининой** «На иголки», а редакция выбрала рассказ **Никиты Савина** «Порфирий Сидоров».

рисунок: анна всевятская

из личного архива

Екатерина Минина НА ИГОЛКИ

В свой последний рейс по маршруту Новороссийск—Стамбул—Новороссийск теплоход «Изумруд» вышел в пятницу 1 августа 1997 года.

Обошлось без пышных проводов: было пыльно, душно, старая команда уволилась, новая равнодушно делала свою работу. Кому нужна эта посуда? Потертая мебель, выцветшие занавески, неработающее оборудование, уставшие тараканы — осенью все это отправят в Индию на утилизацию, «на иголки».

«Теплоход, он как человек. Есть сердце — дизель-генераторы — заходятся, как и я, от тахикардии. Печень и желчный — это камбуз, там все горчит, мозг — рулевая рубка. А хер у нас капитан. Хер собачий».

Конструктор Рыбин с раздражением смотрел, как молодой капитан важно водил по палубе пожилых родственников. Вывез, поди, чуть ли не всю семью — маму, тетю, жену. Любвицу что ж не взял? В этот рейс «Изумруд» должен был вести старый капитан Никитин, но он в больнице, микросульт. Взяли новенького, считай, год после мореходки — в прежние времена в жизни бы не допустили, но теперь-то что. Фуражку, форму напялил — всё, капитан!

До Стамбула шли налегке, весело, как в круизе. Устраивали потешные учения, спускали в открытое море шлюпки и трапы и купались. Кто еще может похвастаться, что плавал в самом центре Черного моря? «С палубы в воду не прыгать!» — прохрипели динамики, и в ту же минуту с самой верхней палубы в темно-синюю воду нырнул сам капитан. По вечерам в кают-компании накрывали ужин с вином,

играли в карты, не хватало только цыган, ей-богу. Рыбин хоть и был зван почетным гостем, но предпочитал есть на камбузе. Там хлеб кирпичом, масло кубиком, невкусно, сытно, привычно. Пассажиры «Изумруда» — по большей части бойкие предприимчивые девицы — везли деньги, попрятанные по трусам, чтобы выгодно закупиться и загрузить бывшее исследовательское судно, а теперь пароход-челнок товаром на продажу. Три раза ходил «Изумруд» вокруг земли для науки и тридцать три в Стамбул для нестабильной экономики России, Украины и прочих сопредельных. Рыбин был вне себя. Старый капитан Никитин уговорил его сходить в море напоследок, развеяться, мол. А то закис Рыбин после смерти жены, почернел весь, ссохся за полгода, будто Кощей, еле ноги волочит. Никитина прихватило сердцем, остался в Новороссийске, а Рыбину поговорить теперь не с кем. Бродил целыми днями в белой кепке по палубам, заложив руки за спину, ругался молча на себя, на капитана, старпома, пассажирок в купальниках — пляж себе устроили, совсем уже! В Босфор входили в грозу — берегов не разглядеть. Потом долго грузились в порту в Кадыкёй: пластмассовые столы и стулья для кафе, цветные тазы, ведра, лопаты, прищепки, зонтики от солнца, штабеля макаронных изделий, спиральки, ракушки и звездочки. Матерые и опытные Оксаны-Анжели командовали, проверяли, ругались с турками, причем по-русски и почти все время матом, считали деньги и товар, не стесняясь подкупали таможенников, а потом отмечали удачные сделки, сидя на тюках с товаром и распивая теплое сладкое мартины. «90-е годы жажнули по всем», — думал Рыбин. И по его жизни тоже жажнуло. Пенсия, болезнь жены, дела никакого не нашел себе, хотел кружок какой в школе вести — не взяли, там все больше про компьютеры. Казалось, что жизнь, как корабль, получила пробоину. Только вместо морской воды в нее вливалось новое время. И он, Рыбин, шел ко дну, физически чувствуя эту дыру в животе. Обрато шли медленно, было много груза. Старый больной «Изумруд» со старым больным конструктором на борту торжественно, как похоронная процессия, пересекали Черное море. Около полуночи наступила тишина. Рыбину не послышалось — дизель-генераторы были на пределе, в полости перикарда накопилась жидкость, мучила одышка и загрудинные боли. Пульс «Изумруда» остановился, свет погас, на мачте загорелся красный огонек. Судно потеряло управление и предалось свободному приятному дрейфу. В духоте и темноте Рыбин попытался открыть иллюминатор — из загруженных на палубе мешков в каюту посыпались макароны, как сухой лед, тюк-тюк. Закрыв иллюминатор и выглянул в коридор: редко горели аварийные лампы, одна через три, в полумраке выходили

пассажиры, не понимали, что происходит, но паники не было, в кают-компании продолжали веселиться. В машинное отделение, жуя и матерясь, побежал старший механик. Женщины спрашивали, что со светом. Кажется, никто и не заметил, что судно потеряло ход, его несет в тишине и темноте то ли к родному Новороссийску, то ли к чужим берегам. Рыбин выбрался на верхнюю палубу и тут же провалился в слепое и темное пространство. Ночь была безлунной, беззвездной, море — черное, небо — черное, все пресное, влажное, как г...ное желе из сухофруктов на камбузе. И эта абсолютная чернота — непонятно, то ли снаружи, то ли внутри него, — загасила голоса, тревогу, мысли, затащила в себя и корабль, и конструктора, и всех пассажиров, даже как будто позвала ласково, мол, давай, иди ко мне, и он, старый прожженный коммунист и атеист, потянулся к ней, сразу и вверх и вниз, и уже почти наклонился, чтобы отдаться тьме и вынырнуть уже на другой стороне, где, возможно, ему двадцать пять и жена и маленький сын рядом, все светятся от любви и счастья и стоят на краю с этой вот невозможной тьмой. — Дядя, а мы утонем? Рядом неожиданно появился мальчик, лет пяти-шести. Он был босой и в пижаме, слегка растрепанный и рыжий ребенок, тер глаза левой рукой, а правой прижимал к себе плюшевого коричневого медведя. Возможно, в прошлой жизни медведь был Винни-Пухом, но сейчас выглядел, как и Рыбин, пенсионером: глаза-пуговицы на нитках, на голове залысины, уши и лапы повисли без сил. Мальчик взял Рыбина за руку теплой и потной ладонью и повторил свой вопрос: «Мы утонем?» «Изумруд» заскрипел, моргнуло и снова погасло основное освещение, стали раздаваться крикливые возгласы пассажиров, вахтенный помощник Майечка Михайловна пыталась их перекричать, все звучало так, будто у соседей протек кран, а не судно водоизмещением 5170 тонн неспешно дрейфует в Черном море. «Нет, малыш. — Рыбин удивился, как звонко и молодо звучит его голос. — Я построил этот корабль, и он никогда не утонет». Потом он рассказал пятилетнему ребенку в пижаме про статический угол заката, про остойчивость и ледовый класс, про битый лед и непотопляемость, и как исследовали типы краски в разных морских водах, и как горели в 79-м — матрос-армянин пронес на борт спиртовку и варил кофе в машинном. Мальчик зевнул и, будто не слушая, сказал: «Мне холодно. Я хочу спать». Рыбин осекся, забыл, что только что рассказывал, крепче сжал детскую ладонку и устало отозвался: «Конечно. Я отведу тебя». По корпусу корабля пробежала механическая дрожь — кажется, заработали два запасных дизеля, судовые огни раз-

резали тьму, и «Изумруд» медленно, словно предчувствуя, что это его путь на плаху, поплыл в сторону Новороссийска. Конструктор отвел малыша в пижаме в каюту 24, мальчик уже почти спал на ходу, странно, что его мама не всполошилась, потеряв ребенка, — может, там гульбанит в кают-компании? Он уложил мальчика на верхней полке, укутал его одеялом — отчего-то в каюте было очень холодно — и на театральных цыпочках вышел, плотно закрыв за собой дверь. «Изумруд» вполз в бухту Новороссийска вечером, хотя ждали его с полудня. Теплый, мутный воздух из Цемдолины парил над городом, было пасмурно и влажно. Еще вчера беспечные и веселые, пассажирки сурово и как-то подчеркнуто деловито считали груз, сверяли накладные и явно

подкупали таможенников. Молодой капитан обнимал юную девицу — выглядело возмутительно на фоне отдающего концы судна. Рыбин наблюдал за разгрузкой и сходом пассажиров — он хотел еще раз увидеть мальчика с плюшевым медвежонком: его не было за завтраком, не было в обед, и, когда все стояли на верхней палубе и всматривались в горизонт, в горы и будто бы гигантскую кладку яиц обсерватории на вершине, он снова не нашел малыша — наверное, мама оставила его в каюте или он уже спал. Поздно вечером, в свете портовых прожекторов и под звуки селекторных переговоров, на берег спустился последний пассажир. Рыбин так и не увидел мальчика, хотя простоял на палубе несколько часов неотлучно. Вахтенный помощник Майечка Михайловна вздыхала рядом. У нее были золотые погоны, золотые зубы, черные брови, и многие считали ее цыганкой. — Я видел маленького ребенка на корабле, чей он? — спросил конструктор. — Побойся Бога, Сергеич, — охотно отозвалась Майечка. — У нас рейс строго без детей, капитан не любит, да и куда здесь мелких? Тюки сплосные. Самому младшему — нашему капитану — двадцать пять! Рыбин вернулся в свою каюту, взял рюкзак, постоял немного и послушал тишину. Ему показалось, что он шагнул в то черное-черное море, а жизнь вытолкнула его из темной воды и, как Суджукский маяк, направляет уже совсем в другую сторону. Медленно, прощаясь со старым «Изумрудом», конструктор Рыбин спускался по трапу. Густая, цементная ночь встречала его на причале. И вдруг в свете прожектора что-то мелькнуло в воде. Он прищурился, наклонился через поручни, чтобы рассмотреть, что там плещется у самой стенки пирса. В абсолютно черной воде среди водорослей, медуз и какого-то мусора болтался старый плюшевый медвежонок с оторванной лапой.

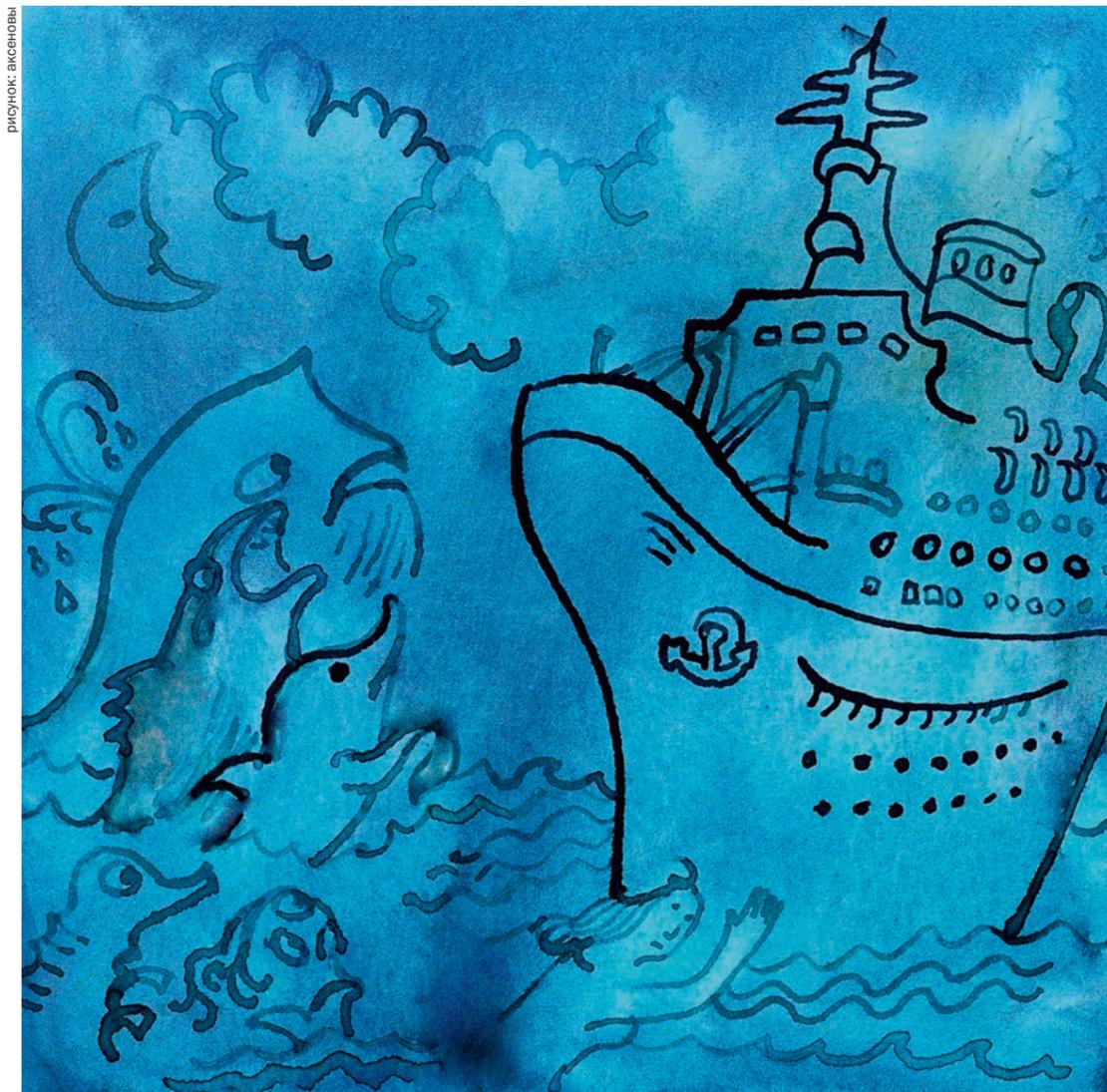

рисунок: аксеновы

Никита Савин ПОРФИРИЙ СИДОРОВ

Голуби били копытами в подоконник и орали что-то на своем отвратительном языке. «Сволочи», — подумал Селиванов и попытался задушить себя подушкой. Суицида не вышло, поэтому он освободил от подушки часть головы с правым глазом и огляделся. Часы показывали половину одиннадцатого, бормотал телевизор. На экране какие-то жизнерадостные, размалеванные пожилые женщины бодро что-то рассказывали молодым размалеванным женщинам. Молодые женщины кивали, а какой-то мрачный мужчина средних лет, внешне напоминая алкаголика в завязке, виновато уставился в стол перед собой. Публика аплодировала. Селиванов сел и начал озираться в поисках пульта.

Зазвонил телефон. Сегодня Селиванову мог звонить только один человек — главный редактор телеканала «За гранью неизвестного» Жуков. Это он и был.

— Игорь, есть задание! — как обычно, без приветствия начал Жуков голосом артиллерийского полковника. — Нашел замечательного человека. Порфирий Сидоров. Говорит, что вчера видел летающую тарелку в парке. Говорит, что долго ее выслеживал, а вчера заснял. Говорит, что там в парке временная воронка, в которую какие-то монголы провалились. Нужно срочно делать сюжет. Операторов на место я уже отправил. На тебе Сидоров. Вечером жду в студии.

— Э-э-э, — попытался начать диалог Селиванов, но Жуков уже отключился.

Этих порфириев сидоровых Селиванов повидал столько, что иногда ему казалось, будто каждый второй житель города — порфирий сидоров. Проявлялись они примерно раз в месяц и немедленно звонили Жукову. Они разоблачали заговоры иллюминатов и примкнувших к ним масонов, находили разбитые космические корабли и подземные города пришельцев, доказывали происхождения человека от метановых медуз Юпитера и так далее, и тому подобное. Они являлись в редакцию, сверкая лысынами, потрясая бородами и затертými целлофановыми пакетами с доказательствами своих открытий. Они дурно пахли потом, перегаром и бог знает чем еще. Они сидели в приемной, пили кофе, жрали печенье из хрустальной вазы грязными руками, шелестели папиросной бумагой и не смывали за собой в туалете, видимо, боясь нажимать на незнакомые кнопки. И только благодаря им «За гранью неизвестного» был самым популярным каналом в области.

Зрителям, очевидно, льстило, что их маленький город в лас-

ковой лесной глуши привлекает такое внимание инопланетных цивилизаций и таинственных орденов. Рейтинги канала зашкаливали.

Пришла СМС с номером Сидорова. Селиванов позвонил. Ответил Сидоров сразу. Ждал.

— Здравствуйте, я корреспондент канала «За гранью неизвестного», мне ваш номер...

— Тихо! — перебил Сидоров страшным шепотом. — Это не телефонный разговор. Встретимся в 13:17. Место встречи — кафе «Сундучок». Вы знаете, где это?

— Разумеется. Я...

— Отлично. Я буду за столиком в углу, справа от входа.

Конец связи.

«Вот так оно и бывает, — думал Селиванов, бесцельно бродя по квартире, чем он всегда занимался, проснувшись. — Сначала ты подросток с большими глазами и мечтами, а совсем скоро тебе уже за тридцать и нужно ехать брать интервью у очередного сумасшедшего. А сколько их еще будет?»

Он думал об этом спокойно, без прежней горечи, почти без обиды. Обижаться было не на кого. Раньше вся жизнь казалась чем-то несправедливым, чем-то абсурдным, чем-то глупым. Чем-то, что нужно исправить. А теперь уже совсем ничем не казалась, она просто была, и была она такой, какой была, и никакой другой не было.

Селиванов поехал заранее. Хотелось выпить. Он уже не мог слушать бредни про НЛО на трезвую голову. Сначала они казались даже интересными. Потом — забавными. Теперь Игорь мог, заткнув уши и не глядя на собеседника, в точности воспроизвести его речь слово в слово.

Он не стал заходить в кафе, а расположился на веранде. Заказал 200 грамм водки, салат и пельмени. Закурил. До встречи оставался час.

Порфирий явился вовремя. Селиванов уже перебрался за столик у входа — он был в курсе всех психических расстройств своих «клиентов» и знал, что опоздание или невыполнение какой-нибудь идиотской прихоти очередного открывателя Атлантиды может закончиться срывом интервью, а то и дракой. Сидоров вошел в кафе вперед спиной, внимательно рассматривая прохожих, мелькавших в узком просвете двери, — боялся слежки. И цену себе набивал. Потом он сел и повернулся к Селиванову.

— Леша?! — Селиванов не поверил глазам.

Он узнал Порфирия, который не был никаким Порфирием, а был Лешей Громовым, его одноклассником. Он узнал его в этой бороде, в этом сером, затертом костюме, с этой круглой, нелепой плешью на макушке. Узнал по глазам. Он очень хорошо помнил эти глаза. Он много раз заглядывал в них и пытался понять — кто этот человек и человек ли он вообще.

Громов был гением. Сертифицированным. Он научился читать и писать к трем годам, а в пять его стихи опубликовал толстый московский журнал. Он окончил школу в 12 и по-

ступил в университет. Он был звездой, Моцартом от десятка наук. Он учился одновременно на двух факультетах. В 20 он написал огромный роман о Золотой Орде, который стал международным бестселлером. Потом еще один, уже о Венецианской Республике. Слава его была грандиозна и безгранична...

А дальше наступила тишина. Громов пропал. Ходили разные слухи. Одни говорили, что Громов ушел в монастырь, другие — что он уехал в Испанию, писать о Реконкисте. Громов пропал с радаров издателей и журналистов. Его искали в России, Европе, Америке. Его искали на вершинах Тибета и среди стай кенгуру австралийских пустошей. Нигде не было Громова. Он стал той самой падающей звездой, которая промелькнула в ночном небе и исчезла навсегда.

Услышав свое прежнее имя, Порфирий отшатнулся и чуть не упал вместе со стулом. Потом он несколько раз как-то жалко дернулся, будто собираясь вскочить и убежать, но, видимо, поняв, что это будет совсем уже глупо, выпрямился, положил руки на стол и посмотрел прямо в глаза Селиванову.

— Привет, Игорь. Как дела? — спросил он так, как будто они расстались три дня назад.

— Да ничего... — промямлил Селиванов, все еще приходя в себя.

— Вот и у меня все неплохо, — очень спокойно сказал Леша. — Может, начнем?

— Я... Как ты... Откуда... — Селиванов забыл слова.

— Из дома. С утра пленку проявлял, вот фотографии принес. Огромное НЛО, прямо над детской площадкой...

— Ты же... А книги? А Испания? А...

— Прошло, — коротко сказал Громов. — Так вот, ночью я шел по Парку Победы. Выгуливал Рексика, и вдруг смотрю...

— Что?! Как прошло?! Куда прошло?! Что прошло?!

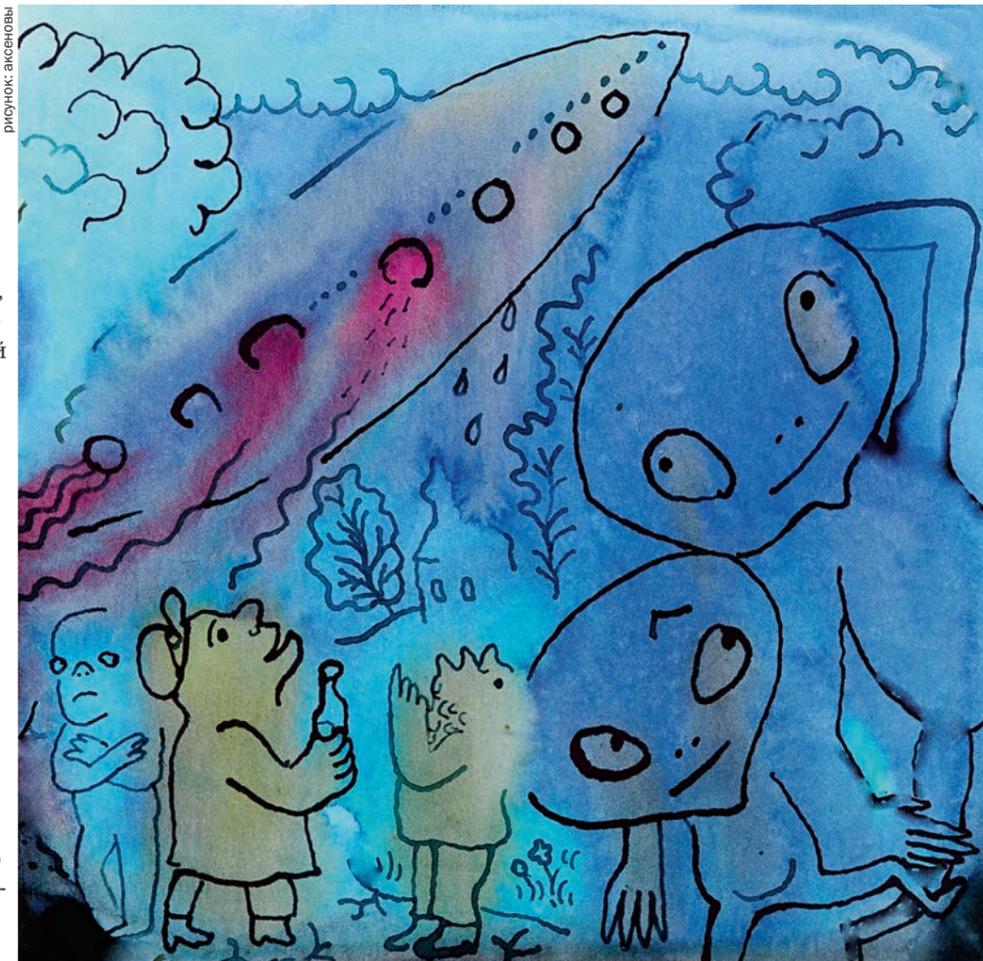
— Все прошло. Не кричи, пожалуйста.

— Но ты же... ты же гений! Ты же гений! — Селиванову казалось, что он стоит на краю пропасти.

— Никакой. Я. Не. Гений. — Громов говорил медленно, произнося каждое слово по отдельности. — Меня зовут Порфирий Сидоров. Я исследователь тайных знаний и древних цивилизаций. Еще я основатель Планетарного Синтетического Института Хронологических Исследований.

— ПСИХИ?!

— Да, ПСИХИ, — спокойно сказал Громов. — И не надо мне

ничего говорить. «Гений» — слово пустое. Это прошло. А вот психи нужны всегда. Так что будь любезен, подбери слюни, включай свою шарманку и слушай про тарелки.

Вечером записывали программу. Порфирий Громов пучил глаза в камеру и заговорщицким голосом рассказывал вездущей о летающей тарелке, которая приземлилась в Парке Победы прошлой ночью. Из нее вышли двое инопланетян в скафандрах и взяли пробы грунта. Порфирий видел их сам и даже сделал снимок, который, естественно, получился очень нечетким. Дальше пошли размышления о том, что на месте парка в свое время пропал отряд баскака Баатарчулууна, чтобы через шестьсот лет свалиться на голову ничего не подозревавшим немцам, наступавшим на Сталинград. Все дело было во временной воронке, которая была на том месте, и так далее, и так далее...

Жуков был очень доволен записью. Он положил на плечо Селиванову тяжелую руку и, дыша в лицо тяжелым табачным перегаром, нежно пробасил: «Отличная программа, Игорек! Жди премии». Леша-Порфирий Громов-Сидоров ушел быстро. Селиванов выскочил было за ним на крыльцо, но вокруг был только пахучий весенний вечер с лиловым задником заката.

Голуби били копытами в подоконник и орали что-то на своем отвратительном языке. Селиванов открыл правый глаз, вскочил с кровати и заорал вместе с ними. **П**